

*Все события,
описанные в романе, вымышлены.
Любые совпадения случайны.*

...И тут у него зазвонил телефон, как всегда, в самый неподходящий момент.

Совещание заканчивалось, сейчас начнут «подытоживать», он должен будет сказать что-то связанное, неплохо, чтоб и умное тоже, но как только телефон грянул, все мысли до одной вылетели из головы профессора Шаховского.

Телефон был новейшей, последней модели, а потому чрезвычайно, необыкновенно сложен в употреблении. Телефон умел все — входить в Интернет и даже время от времени выходить из него, показывать курс акций на разных мировых биржах, прокладывать маршруты от Северного полюса к Джибути, светить фонарем, погружать владельца в Инстаграм, Твиттер и Фейсбук, давать прогноз погоды в Липецке и на западном склоне Фудзиямы на три недели вперед, фотографировать с приближением и удалением, снимать кино, монтировать видеоклипы, а его процессор превосходил по мощности все компьютеры НАСА в тот исторический день, когда Нил Армстронг высадился на Луну.

Шаховской телефон ненавидел и как выключить звук, не знал. Марш гремел.

— Господи помилуй, — пробормотал рядом председательствующий Ворошилов и уронил наконец

очки, которые примеривался уронить с самого начала совещания, а историк, занудно читавший по бумажке занудный текст, посмотрел на Шаховского негодующе. Все собрание, обрадовавшись развлечению, задвигалось и зашумело.

— Прошу прощения, — пробормотал несчастный профессор и выскочил в коридор, изо всех сил прижимая ладонью мобильный, чтобы немного унять марш.

— Дмитрий Иванович, это полковник Никоненко из Следственного комитета. Мы с вами как-то по одному антикварному делу работали. Вы по исторической части, а я, так сказать, по современной линии шел. Помните?..

Шаховской, который в этот момент люто ненавидел телефон, ничего не понял.

— Я не могу сейчас разговаривать, я на совещании. Перезвоните мне...

— Стоп-стоп-стоп, — непочтительно перебил его полковник Никоненко из Следственного комитета, — это все я понимаю, но у меня свежий труп, а при нем какие-то бумаги, по всему видать, старинные. Я сейчас за вами машинку пришлю, а вы подъедете, да? Адресок диктуйте, я запишу.

Шаховской — должно быть, из-за сегодняшнего нескладного дня и ненависти к телефону — опять ничего не понял. И не хотел понимать.

— Я в Думе, у меня работа, — сказал он неприязненно. — Перезвоните мне, скажем, через...

— На Охотном Ряду? Мы тут рядышком, на Воздвиженке, время проводим. Выходите прямо сейчас, машинку не перепутаете, она синими буквами подписана.

— Что? — переспросил Шаховской, помедлив.

— Следственный комитет, говорю, на машинке написано! Не ошибетесь. Ну, добро.

И экран, похожий по размеру на экран телевизора «КВН-49», смотреть который полагалось через линзу, наполненную дистиллированной водой.

«Никуда я не поеду, что за номера?! У меня свои дела, и их много! Мне еще «подытоживать», а потом статью править, и...»

Тут он вдруг вспомнил этого Никоненко, и «антикварное дело» вспомнил! Тогда, сто лет назад, полковник размотал совершенно не поддающийся никакому разматыванию клубок из нескольких убийств. Убивали антикваров — без всякой связи, без логики, жестоко, — и Шаховского позвали как раз затем, чтобы он нашел логику. Понятно было, что убийства связаны с антиквариатом, но как?! Дмитрий Иванович долго эту логику искал — антиквары торговали предметами случайными и на первый взгляд никак между собой не связанными — и нашел! А Никоненко додумал все остальное. И «громкое дело, находящееся на особом контроле в прокуратуре Российской Федерации, было раскрыто», как сообщили потом в новостях.

Воспоминание было... острым. Шаховской усмехнулся, стоя в одиночестве посреди пустого и широкого думского коридора. Он никогда не занимался никакими расследованиями, кроме исторических, а тогда вдруг почувствовал себя сыщиком, который осторожно и внимательно идет по пятам злодея, охотником, выслеживающим взбесившегося зверя, готового на все ради своих бешеных целей. А Никоненко — как же его зовут, Владимир Петрович, что ли? — все прикидывался простаком и «деревенским

детективом», а оказался умным, расчетливым, хладнокровным профессионалом.

Шаховской очень уважал профессионализм.

«Поеду, — вдруг решил профессор, приходя в хорошее настроение. — Заодно не придется ничего подытоживать, вы уж там без меня справляйтесь, уважаемые...»

Машина свернула с Воздвиженки, въехала в невысокие кованые ворота, озаряя мощеный двор всполохами мигалки, и остановилась у бокового крыльца всего в три ступеньки.

— Вам туда, — сказал Шаховскому очень серьезный и очень молодой человек в форме и показал поперх руля, куда именно, — там встретят.

Дмитрий Иванович выбрался из машины и огляделся. Он, как и большинство москвичей, видел этот дом, особняк Арсения Морозова, только снаружи, внутри никогда не бывал и во двор не заходил, ворота всегда были закрыты, и что там за ними — не разглядеть. В разное время здесь было разное: посольства Японии и еще, кажется, Индии, редакция какой-то британской газеты, это во время войны, потом еще его владельцем стал «Союз советских обществ дружбы и культурных связей с народами зарубежных стран», тогда особняк называли Домом дружбы народов, а во времена того самого Арсения именовали его москвичи «домом дурака»! Дурак, стало быть, Арсений, построивший когда-то особняк в самом что ни на есть странном и немосковском вкусе!

Ворота сами по себе закрылись — Шаховской оглянулся, когда створки тронулись и стали сходитьсь, — и дворик сразу оказался отрезанным от Москвы, многолюдья, автомобильного смрадного чудища, упирившегося хвостом в Моховую, а головой во

МКАД — ежевечерний исход из столицы был в разгаре. Стало почему-то тихо, на той стороне дворика обозначился огонек, горящий в одном из окошек, брусчатка, слабо освещенная фонарем, блестела, как лакированная.

Все это Дмитрию Ивановичу вдруг очень понравилось.

Он поднялся на крыльцо — высокие двустворчатые двери казались закрытыми навсегда — и чуть не упал, когда створка приоткрылась ему навстречу.

— Проходите.

Шаховской «прошел». Еще один очень молодой человек в форме аккуратно притворил за ним дверь и спросил паспорт. Дмитрий Иванович извлек паспорт и огляделся. Прихожая оказалась огромной и полутемной, электрического света не хватало на все дубовые панели, которыми были обшиты стены, свет тонул в них и ничего не освещал. Широкая мраморная лестница поднималась в просторный вестибюль или какой-то зал. Шаховской вытянул шею, чтобы рассмотреть зал получше, но не успел.

Высокий человек стремительно пересек помещение и оттуда, сверху, констатировал негромко:

— Дмитрий Иванович. Пропусти его, Слава.

Поднимаясь по ступеням, Шаховской все пытался припомнить, как зовут полковника Никоненко, но так и не вспомнил. Владимир Петрович, что ли?..

— Что-то вы долго. — Полковник сказал это таким тоном, как будто Шаховской обещался быть к нему на обед, но опоздал. — Или чего там? Стояк, как обычно? Давайте за мной.

В большом ампирном зале неожиданно оказалось очень светло и много народу. Шаховской на секунду зажмурился и остановился. Двое в перчатках обмета-

ли кисточками каминную полку, над которой висело большое зеркало с потемневшей амальгамой. Еще двое ползали по полу и что-то мерили линейками. Парень в джинсах и синем свитере бродил в отдалении, прицеливался, фотографировал со вспышкой и имел вид туриста, запечатлевающего детали интерьера, и это почему-то поразило профессора. Молодая женщина стояла на коленях возле лежащего на полу человека. Рядом с ней помещался распахнутый чемоданчик, из которого она время от времени что-то доставала, и вид у нее был самый что ни на есть обыкновенный.

— Ну, так, — Никоненко обошел женщину, почти перешагнув через нее как ни в чем не бывало. — Прибыла помощь в лице науки. Леш, где у нас?..

— Все на столе, товарищ полковник. Во-он, видите?

— Подходите поближе, товарищ профессор! На труп не смотрите лучше, если вам... неприятно.

Почему только в эту секунду профессор Шаховской сообразил, что лежащий на полу — уже не человек, а то, что *было* человеком, покуда не случилось что-то странное, непоправимое, и человека не стало. Осталось тело, из-под которого на светлый паркет натекла довольно большая лужа темной крови, и молодая женщина старалась не угодить коленками в эту лужу, это профессор тоже заметил.

Ему вдруг стало жарко так, что моментально взмокла спина, он потянул с шеи шарф, уронил и нагнулся поднять.

— Не смотрите вы туда, ей-богу!..

Начальственный, приказной, нетерпеливый тон, каким с Шаховским никто и никогда не разговари-

вал, немного отрезвил профессора, как будто холодной воды дали умыться.

— Вот сюда смотрите, здесь для вас привычней!

— Все в порядке, — проскрипел нервный профессор и пристроил на раззолоченный стул портфель и шарф.

— Может, присядете?..

— Спасибо, — уже твердо и несколько даже обозленно сказал «ученый человек», — со мной все в порядке. Не беспокойтесь.

Полковник пробормотал себе под нос, что он не особенно и беспокоится, и взял со стола две какие-то бумажки, желтые и тонкие от времени. Еще там стояла чашка с витой ручкой, расписанная голубыми узорами, и ничего более неуместного, чем эта чашка, нельзя было себе представить в помещении, где на полу лежит мертвое тело, вспыхивает фотокамера, бродят люди, переговариваются самыми обыкновенными голосами.

— Ну, так. Собственно, вот из-за этих штуковин мы вас и вызвали. Бумаги были обнаружены рядом с трупом, с правой стороны, а чашка здесь и стояла. Вы только голыми руками не хватайте. Варвара Дмитриевна! Подкинь перчатки, а?

Молодая женщина вытащила из своего чемоданчика пару медицинских перчаток и кинула резиновый комок в сторону полковника. Он ловко поймал, зачем-то подул на них и протянул Шаховскому.

Профессор взял перчатки так, как будто не знал, что с ними делать. Никоненко покосился и мотнул головой. По «прошлому делу» он помнил, что профессор оказался не так хлипкий и ненадежный, как вроде бы полагается ученому. Он хорошо соображал, — это Никоненко особенно оценил! — нервическими

припадками не страдал, на вопросы, помнится, отвечал понятно, без излишней «научности». Вот чего полковник особенно не любил, так это когда «образованные» говорят непонятное и смотрят жалостливо и малость свысока, как на дурачка деревенского!

Впрочем, он понимал, что для неподготовленного человека труп на полу в луже крови — зрелище, надо признать, удручающее. Да еще выдернули его из Думы!.. Там небось чинность, красота и благолепие, а трупов никаких не бывает.

Тут Никоненко решил, что нужно профессору помочь немного.

— А в Думе-то вы чем занимаетесь? Депутатствуете?

— Я?.. А, нет, ну что вы. Там помимо депутатской работы полно.

— Какой такой работы? — перепугался Никоненко, и Шаховской вдруг вспомнил его манеру играть в участкового уполномоченного Анискина из глухой сибирской деревни. Московский полковник время от времени начинал пугаться, напевно говорить, округлять глаза, цокать языком и подпирать рукой щеку — в соответствии с образом. Выходило очень достоверно и, видимо, помогало ему в его деле. — Какой же такой работы полно в Думе, если с утра до ночи по телевизору показывают, как люди в зале сидят и все поголовно сами с собой в крестики-нолики шпарят, а потом, стало быть, кнопочку жмут, за или против, а на табло циферки загораются, принято, мол, или, обратно, не принято!.. А потом по домам, чай кушать. Вот и вся работа!

— Ну, это на самом деле не совсем так, Владимир...

— Игорь Владимирович я! Запомятавали?

— Вернее, совсем не так. Работа любого пар-

ламент в принципе организована очень сложно, а в нашей стране еще сложнее, потому что со времен Первой Думы, то есть с девятьсот шестого года, так повелось, что всегда и во всем виновата именно Государственная дума! Она всем мешает, с ней очень неудобно, так или иначе приходится считаться, а не хочется считаться, да и опыта парламентаризма в России маловато, честно сказать...

Слава богу, заговорил, подумал Никоненко, и похвалил участкового уполномоченного Анискина, который всегда его выручал. Спасибо тебе, Федор Иванович, дорогой ты мой!

— А я готовлю разные материалы, например, для заседания комитета по культуре. Вот комитет должен решить, имеет смысл за государственные деньги открывать музей... не знаю, допустим, Муромцева, и я готовлю документы...

— Кто такой Муромцев?

— Председатель Первой Думы, очень интересный персонаж.

Шаховской сосредоточенно натягивал резиновые перчатки. С непривычки натянуть их было трудно.

— Муромцев — часть истории, и важная! Как и первый русский парламент. Но почему-то история отечества никого не интересует всерьез, особенно в этой части. Про дворцовые перевороты всем интересно, а про парламент никто ничего толком не знает. Когда был создан, для чего. Почему просуществовал так недолго. А не знать это — стыд и дикость. Да и опасно не знать...

— Ладно вам, профессор, что за пессимизм-то!

— «Кто в сорок лет не пессимист, — сказал Шаховской и пошевелил резиновыми пальцами, —

а в пятьдесят не мизантроп, тот, может быть, и сердцем чист, но идиотом ляжет в гроб».

Никоненко крикнул:

— Это кто сочинил? Вы?

— Все тот же Сергей Андреевич Муромцев.

— Эк его разобрало, вашего Муромцева! Людей не любил?..

Тут профессор спросил неожиданно:

— А вы любите? Людей? Всех до одного?

И аккуратно вытащил у полковника из руки тонкий бумажный листок. Никоненко так, с ходу, не придумал, что бы такого сказать по поводу любви к людям, вызывать Анискина по такому пустячному поводу не стал и уставился Шаховскому в лицо.

...Сразу было понятно, что желтые и тонкие листы — подлинный раритет, никаких сомнений. На первый взгляд, судя по манере написания, расположению текста на странице, бумагам лет сто, не меньше. На одном листе было письмо с обращением и подписью, на втором — какая-то записка, по всей видимости составленная наспех. Записку Шаховской отложил, а письмо поднес к глазам, зачем-то понюхал, перевернул и посмотрел с другой стороны.

— Ну? — нетерпеливо спросил полковник Никоненко. — Чего там написано? Я ни слова не разобрал.

Профессор начал быстро читать вслух:

— «Милостивый государь Дмитрий Федорович, спешу сообщить вам, что дело, так беспокоившее нас в последнее время, завершилось вполне благополучно. Заговор ликвидирован полностью, опасность, угрожавшая известной вам особе, миновала. Со слов Петра Аркадьевича, с которым я имел удовольствие беседовать сегодня днем на Аптекарском, столь благополучным исходом, в каковой я, признаться, не

верил до последнего часа, мы все обязаны князю Шаховскому, доказавшему, что и в Думе есть люди благородные, проявляющие большую волю в достижении того, что есть нужно и полезно для государства. Петр Аркадьевич уверил меня, что государь, также обеспокоенный, завтра же узнает обо всем. С нетерпением жду личной встречи, чтобы поведать вам все подробности этого удивительного дела, совершенно во вкусе г-на Конан Дойла и его сенсационных рассказов, которыми нынче зачитываются обе столицы. Сейчас могу лишь заинтриговать вас известием, что чашка с бриллиантами, фигурировавшая в деле, исчезла бесследно. Примите мои уверения и проч.» Подпись и число, двадцать седьмое мая тысяча девятьсот шестого года.

Профессор перевел дух. Глаза у него блеснули. Никоненко пожал плечами и покосился на письмо — он профессорских эмоций не разделял.

— Как вы не понимаете?.. Судя по подписи, это письмо Щегловитова, в девятьсот шестом году он как раз был министром юстиции! Петр Аркадьевич, который упоминается, — это, скорее всего, Столыпин, министр внутренних дел, и на Аптекарском у него была дача, это известный факт.

— А Шаховской — это вы, что ли? — неприязненно уточнил Никоненко, который не любил, когда при нем умничали. Ну, не знает он никаких Щегловитовых, а про Столыпина слышал когда-то в школе, да и то краем уха, и что теперь?

— В Первой Думе на самом деле был такой депутат от кадетской партии — князь Шаховской, — ответил профессор почему-то с неохотой. — Да, а Дмитрий Федорович, которому адресовано письмо, скорее всего, Трепов, комендант Зимнего дворца, фигура,

очень близкая к Николаю Второму, некоторым образом личный телохранитель, если можно так выразиться.

— Товарищ полковник, мы закончили вроде.

— Закончили, так и дуйте в Управление. Дуйте, дуйте!.. Чем быстрее обработаете, тем лучше.

Шаховской оглянулся на людей, никого не увидел, ничего не понял и опять уставился в письмо.

— Заговор, — пробормотал он, — какой тогда мог быть заговор?.. В мае?! В апреле, да, в апреле был убит адъютант Дубасова, московского генерал-губернатора. В июне те же эсеры убили адмирала Чухнина. А в мае?! Об этом никто не упоминает! Кто это — «известная вам особа»? Да еще такая, о которой беспокоятся государь и министры! Нет никаких свидетельств... При чем тут Дума? Благородные люди, проявляющие волю в достижении того, что полезно и нужно для государства! И это Щегловитов писал?! Правительство ненавидело Думу, а депутаты ненавидели правительство!

Он залпом перечитал ровные строчки, написанные сто лет назад, и наткнулся на «чашку с бриллиантами, исчезнувшую бесследно».

— Во вкусе господина Конан Дойла и его сенсационных рассказов!.. Значит, нашлась чашка.

— Какая? А, чашка!

Молодая женщина подошла к ним, стягивая перчатки, и тоже заглянула в письмо.

— Надо же, — сказала она с удивлением, — и как это вы разобрали? Ничего же не поймешь.

— Это просто привычка. — Шаховской отложил письмо и взял записку. При этом видно было, что с письмом ему расставаться не хочется. — Я прочитал очень много рукописных текстов, написанных

именно так. С «ятями», «фитами» и твердыми знаками в конце существительных.

— Всего сто лет, — и она засмеялась, — а такие перемены, что и не прочтешь!

— В восемнадцатом году Ленин декретом Совнаркома упростил правописание. С тех пор оно все упрощается и упрощается. На днях отменили букву «ё», и Ленин тут ни при чем. — Шаховской рассматривал записку. — Зайца тоже хотели упростить, но, по-моему, пока не решились.

— Как упростить? — не поняла молодая дама.

— На одну букву, — задумчиво сказал Шаховской, — чтоб он окончательного стал «заец» не только в Интернете и любовных эсэмэсках.

— Вам студентки такие пишут?

Тут он в первый раз взглянул на нее. Почему-то его поразило, как кому-то могло прийти в голову, что студентки пишут ему эсэмэски и называют «заец».

— Варвара, — моментально представилась она довольно насмешливо. — Я эксперт, так же как и вы, но... в другой области.

— Дмитрий Иванович, — по профессорской привычке сказал он, хотя вполне можно было обойтись и без отчества, к чему тут это отчество, если можно и без него, он ведь еще не так стар, то есть и не молод, конечно, с какой стороны смотреть. В девятьсот шестом году сорок лет считались самым что ни на есть зрелым возрастом, а нынче сорокалетние — все начинающие, молодые, и держат себя так, как раньше подростки, носят кудри, ходят на танцы или... куда там они еще ходят...

Тут Дмитрий Иванович вдруг сообразил, что смотрит Варваре в лицо пристально, не отрываясь, и она смотрит ему в лицо все с той же насмешкой, и Нико-

ненко рядом сделал брови домиком и тоже уставился на него. Профессор мигом отвел глаза, она улыбку-лась, а Никоненко фыркнул отчетливо.

— Простите, я задумался.

— Оно и видно, — ввернул Никоненко. — Во втором письме чего пишут?

— Это просто записка! «Все готово, будьте сегодня в одиннадцать часов вечера в известном вам доме на углу Малоохтинского. Если придете не один, сделка не состоится. Полагаюсь на ваше благоразумие». Подписи нет, только дата. Двадцать шестое мая того же года, то есть за день до того, как было написано письмо.

— Если придете один? Или не один? — уточнил Никоненко, как будто это могло иметь значение.

— Написано — не один. То есть кто-то кого-то должен был привести в дом на углу Малоохтинского проспекта. Между прочим, это известное место.

— Кому известное-то?

— Там была подпольная мастерская по изготовлению винтовочных патронов. Был такой Сергеев, кличка Саша Охтинский, а у него приятель, кажется Сулимов. Они как-то ухитрились вынести с патронного завода детали станка для набивки патронов и регулярно воровали оттуда же гильзы, пули и порох. Знаменитая мастерская была! По сотне патронов в день изготавливали. Это... очень много.

— Тело забирать, товарищ полковник?

— Ну, можем здесь оставить! А раньше всегда забирали!

Шаховской поморщился. Эти люди и их разговоры мешали ему думать.

Ах, да. Здесь же... убийство. Его и позвали только потому, что тут убийство. Какой-то человек совсем

недавно именно в этом месте лишил жизни другого человека — и на полу сейчас лежит то, что от того осталось. Это было... сегодня. Не в мае девятьсот шестого года. И сегодня не имеет никакого смысла рассказывать про мастерскую на Малоохтинском, которая набивала до сотни патронов в день. Те патроны уже давно расстреляли, и они наверняка тоже кого-то убили, но это было давно и сейчас уже неважно.

Разве насильственно отнятая жизнь перестает быть важной? Ее же нельзя отнимать, это... запрещено.

— Как его убили? — вдруг спросил Шаховской.

— Скверно, — отозвалась Варвара, тоже эксперт, но... в другой области. — Сначала ударили по голове, сильно, из-за спины. Он упал. Добивали ножом. Пять ранений. Два с жизнью не совместимы. На первый взгляд два, товарищ полковник.

— А вы говорите — государь обеспокоен! — сказал Никоненко и почесал за ухом. — Забеспокойтесь тут.

В приемной за высокими распахнутыми дверями громко заговорили и засмеялись, и вошли санитары. В два счета они разложили носилки, равнодушно, как вещь, которая всем мешает и нужно поскорее от нее избавиться, перевернули тело и взгромоздили его на черную клеенку.

Шаховской посмотрел. Ему же неудобно так, подумал он. Вон как лежит неловко. Надо бы переложить. Он все забывал, что это уже не человек, а нечто другое, непонятное.

Смерти все равно, как именно лежит труп.

Санитары подняли носилки, живые посторонились перед мертвым, и тут в этом теле, которое так неловко приткнули на черные носилки, Шаховской вдруг узнал человека, которым оно было до сегод-

нышнего дня. До тех пор, пока их не разделили пять ножевых ранений, два из коих были не совместимы с жизнью — человека и его тело.

— Подождите, — сказал Шаховской. — Одну секунду.

1906 год, май.

Варвара Дмитриевна Звонкова приближалась к цели своего путешествия.

Целью был Таврический дворец, возведенный когда-то матушкой Екатериной для своего возлюбленного и вернейшего помощника в делах войны и державства князя Потемкина. Там, в полуциркульном зале, вот-вот должно было открыться очередное заседание Государственной думы.

В первый раз «народные представители» собрались в белой просторной прекрасной зале всего месяц назад, двадцать седьмого апреля, и с тех пор каждое заседание становилось событием, о котором писали газеты, толковали и перетолковывали в кулуарах, обсуждали по всей России!

Варвара Дмитриевна, полноправный член одной из самых многочисленных партий — кадетской, состояла «думским журналистом».

Ах, какой это был май!.. В России за всю ее многовековую историю никогда не было такого мая — яростного, воистину революционного! Да что и говорить! Самодержавие, конечно, не пало, предстоит борьба, это Варвара Дмитриевна прекрасно понимает, но все же русская революция добилась огромного успеха, царю пришлось отступить. Манифест семнадцатого октября дал народу, за который радели все члены кадетской партии и Варвара Дмитриевна тоже, политические права!